

перевод
ЕЛЕНЫ
ДЕНИСОВОЙ

ЭЛМ С КЕЛЛЕН ВСЁ, ЧТО МЫ ПОТЕРЯЛИ

18+

New Adult

МИОО

МИФ Проза

Элис Келлен

Всё, что мы потеряли

«Манн, Иванов и Фербер»

2019

УДК 82-311.2(460)
ББК 84(4Исп)6-449

Келлен Э.

Всё, что мы потеряли / Э. Келлен — «Манн, Иванов и Фербер»,
2019 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-195716-4

Красивая и нежная история о настоящей любви, в которой нет токсичности, и бескорыстной поддержке. После несчастного случая, в котором погибли родители Леи, ее жизнь превратилась в сплошное черное пятно. Она замкнулась в себе, ко всему потеряла интерес и перестала рисовать. Пока старший брат зарабатывает на ее обучение в университете, за Леей присматривает его лучший друг, Аксель. Он по-своему пытается помочь девушке заново обрести себя и собрать воедино кусочки той яркой личности, которую видит в ней. Но Аксель не знает, что Лея давно влюблена в него и что вскоре его жизнь изменится окончательно и бесповоротно. Для кого эта книга Для поклонников чувственных, смелых и эмоциональных романов. Для читателей Моны Кастен, Эммы Скотт, Стеллы Так и Мерседес Рон. Для тех, кто любит драматические и трогательные истории, которые бьют прямо в сердце. Для тех, кто хочет насладиться успокаивающим шумом волн, красотой звездной ночи и звучанием The Beatles на виниле. На русском языке публикуется впервые

УДК 82-311.2(460)

ББК 84(4Исп)6-449

ISBN 978-5-00-195716-4

© Келлен Э., 2019

© Манн, Иванов и Фербер, 2019

Содержание

Примечание автора	9
Пролог	10
Январь (лето)	11
Февраль (лето)	18
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Элис Келлен

Всё, что мы потеряли

Original title:

Todo lo que nunca fuimos

de Alice Kellen

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Alice Kellen, 2019

© Editorial Planeta, S.A., 2019

Av. Diagonal, 662–664, 08034 Barcelona

www.editorial.planeta.es

www.planetadelibros.com

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер»,
2022

* * *

*Нейре, Эбрил и Саре... Спасибо за то, что были рядом...
...и за все остальное*

*Каждая революция начинается и заканчивается с его губ¹.
Рупи Каур. Другие способы использования рта*

¹ Пер. Мартыновой А. В.

Примечание автора

Во всех моих романах во многих сценах «звучит» музыка. Это вдохновение. Однако в этом случае она нечто большее – нить, которая объединяет персонажей. При желании вы найдете полный список песен, под которые я писала эту историю, но вот мелодии ключевых эпизодов: в главе двадцать четвертой – Yellow Submarine, в сорок восьмой – Let it be, в семьдесят шестой – The Night We Met.

Пролог

«Все может измениться в один миг». Я слышала эту фразу много раз в жизни, но никогда не катала ее на языке, не чувствовала послевкусие слов после того, как ты произнес их по частям и привык к ним. «А если бы» связано с горькими чувствами. Такая мысль всегда сопровождает что-то плохое. И ты спрашиваешь себя, мог ли что-то изменить, потому что порой «иметь все» и «потерять все» разделяет лишь мгновение. Всего одно. Как в тот раз, когда машина вылетела на встречу. Или как сейчас, когда он решил, что больше не за что бороться и черные тени поглотили все краски мира...

Потому что в ту секунду он свернул направо.

Я хотела последовать за ним, но наткнулась на преграду.

Мне пришлось пойти в другую сторону.

Январь (лето)

1

Аксель

Я лежал на серфе и плавно покачивался на волнах. В тот день море казалось бескрайним бассейном: прозрачным и спокойным, без шума, ветра, волн. Я слышал только свое дыхание и всплеск воды, когда опускал в нее руки. Вскоре мне это надоело, и я замер, уставившись на горизонт.

Я мог бы сказать, что ждал отличную волну, но я прекрасно знал, что погода не изменится. Или что убивал время – как всегда. Однако я помню, о чем думал. О том, что достиг в жизни всего, о чем мечтал. «Ты счастлив?» – спросил я себя. Внутри шевельнулось сомне-

ние, и я нахмурился, поглядывая на водную гладь. «Счастлив?» – переспросил. Внутри что-то не давало покоя. Я закрыл глаза и нырнул в воду.

Чуть позже с доской под мышкой я шел босиком по песчаному пляжу и тропинке, заросшей сорняками. Толкнул разбухшую от влажности дверь, положил доску на заднем дворе и зашел в дом. Аккуратно повесил на стул полотенце и в одних плавках сел за письменный стол, занимавший половину гостиной. Бумажки с пометками, ненужные записи, бессмысленные наброски – хаос с точки зрения зануд, а для меня порядок высшего разряда. Справа я держал ручки, карандаши, рисунки, календарь, на котором зачеркивал дедлайны, и – с другой стороны – компьютер.

Я пробежался глазами по готовой работе и ответил на парочку писем, после чего взялся за следующий проект – туристическую брошюру Голд-Коста. Стандартный проспект: пляж, изогнутые волны и серферы в виде не очень детализированных теней. Мне нравилась такая работа: простая, быстрая, с прозрачным техзаданием и приличными деньгами. Никаких тебе «импровизируй» или «полагаемся на твой опыт», а четкое и внятное «нарисуй чертов пляж».

Потом я сделал сэндвич из остатков еды и налил себе вторую чашку кофе за день, холодного и без сахара. Я уже поднес ее к губам, когда в дверь позвонили. Я не очень люблю незваных гостей, поэтому недовольно поставил чашку на кухонную столешницу.

Если бы я знал, что последует за этим звонком, я бы, наверное, не открыл. Хотя кого я обманываю? Разве я мог ему отказать? Да и все равно это произошло бы. Раньше. Позже. Какая разница? Я как будто с самого начала играл в русскую рулетку, только с заряженным пистолетом: одна из пуль должна была попасть мне в сердце.

Я все еще опирался рукой на дверную раму, когда понял, что дело серьезное. Оливер, насуспенный и серьезный, прошел в дом, отказался от кофе и потянулся за бутылкой бренди на верхней полке шкафчика.

– Неплохо для утра вторника, – заметил я.

– Черт побери, у меня проблема.

Я стоял в одних плавках, а Оливер в брюках и белой рубашке, заправленной внутрь. Совсем не в его стиле.

– Не знаю, что делать. Прокручиваю в голове варианты, но они закончились... В общем, я думаю... я думаю, мне нужна твоя помощь.

Я насторожился. Оливер никогда ни о чем не просил, даже у меня, хотя мы считались лучшими друзьями с того момента, как научились кататься на велосипеде. Он не просил ни о чем даже в худшие моменты своей жизни. То ли из гордости, то ли из желания доказать себе, что сам справится даже с самой паршивой ситуацией. А может, не хотел беспокоить.

Как бы там ни было, я ни секунды не сомневался.

– Ты знаешь, я все сделаю ради тебя.

Оливер залпом выпил бренди, поставил стакан в мойку и завис над ней, упираясь руками в бортики раковины.

– Меня отправляют в Сидней. Временно.

– Что-о-о-о-о? – Я вытаращил глаза.

– Три недели в месяц в течение года. Они хотят, чтобы я курировал новый филиал, и говорят, что я смогу вернуться, когда все устаканится. Я бы отказался, но, черт возьми, мне удвоили зарплату, Аксель. Сейчас мне очень нужны деньги. На нее. И на все остальное.

Он нервно провел руками по волосам.

– Год – это не так уж и много... – возразил я.

– Но я не могу взять ее с собой. Не могу.

– В смысле?

Конечно, я прекрасно понимал, что означает это «я не могу взять ее с собой». И все же язык не повернулся отказать, потому что они были моими самыми любимыми людьми. Моей

семьей. Не той, что тебе достается (тут у меня все в полном порядке), а той, которую выбираешь.

– Я знаю, что прошу тебя принести себя в жертву...

Так оно и было.

– ...Но другого выхода нет. Я не могу взять ее в Сидней, когда она только начала курс лечения. Тем более что она пропустила предыдущий. Не могу вырвать ее из знакомой среды; это будет слишком. А вы единственное, что у нас осталось. Оставить ее одну тоже не могу: у нее постоянная тревожность и кошмары, и ей... ей нехорошо. Нужно, чтобы Лея снова стала самой собой, пока не поступит в университет в следующем году.

Я потер затылок, точь-в-точь как Оливер пару секунд ранее, и тоже потянулся к бренди. Глоток обжег мне горло.

– Когда ты уезжаешь? – спросил я.

– Через пару недель.

– Блин, Оливер.

2

Аксель

Когда мне исполнилось семь, моего отца уволили с работы, и мы переехали в богемный город Байрон-Бей. До этого мы жили в Мельбурне, на третьем этаже обычной многоэтажки. Здесь же я почувствовал себя как на каникулах. Ходить босиком по улице или в супермаркете в Байрон-Бее обычное дело. Тут такая расслабуха, как будто время остановилось, и я влюбился в каждый уголок этого города еще до того, как открыл дверцу машины и задел сердитого мальчишку, моего соседа.

Оливер с растрепанными волосами и в мешковатой одежде выглядел как дикарь. Джорджия, моя мать, с удовольствием пересказывала этот момент на семейных встречах, когда все немного хватили лишнего, и добавляла, что ее первым порывом было искупать Оливера. Джонсы вышли как раз в тот момент, когда она схватила мальчика за рукав футболки. Мать сразу поняла, откуда ноги растут, когда увидела мистера Джонса в испачканном разноцветной краской пончо – сосед улыбался и протягивал руку. А объятия миссис Джонс привели мать в полное замешательство. Мы с отцом и братом рассмеялись при виде ее застывшего лица.

– Вы, наверное, наши новые соседи, – сказала мать Оливера.

– Да, мы только что приехали, – кивнул отец.

Еще несколько минут они беседовали, однако Оливер не горел желанием познакомиться. Со скучающим видом он достал из кармана рогатку и камень, а затем прицелился в моего брата Джастина. Попал с первого раза. Я улыбнулся и понял, что мы отлично поладим.

3

Лея

Here comes the sun, here comes the sun. Эта песня снова и снова звучала в моей голове, только рисунки стали черными. Из них исчезло солнце. Остались темнота и прямые жесткие линии. Я почувствовала, что сердце бьется быстрее, хаотичнее, беспорядочнее. Тахикардия.

Я смяла листок бумаги, выкинула его и легла на кровать, положив руку на грудь. Я старалась дышать... дышать.

4

Аксель

Я вышел из машины и поднялся по ступенькам до двери родительского дома. Пунктуальность никогда не была моей сильной стороной, и на все воскресные семейные обеды я приезжал последним. Мать взъерошила мне волосы и спросила, была ли родинка на моем плече на прошлой неделе. Отец закатил глаза и обнял меня, а потом пропустил в гостиную. Племянники обхватили меня за ноги. Джастин оттащил их, пообещав шоколадку.

– По-прежнему даешь взятки? – спросил я.

– Больше ничего не работает, – понуро ответил он.

Близнецы тихонько хихикали, и я едва сдержался, чтобы не присоединиться к ним. Маленькие дьяволята. Два очаровательных чертенка, которые весь день кричали: «Дядя Аксель, подними меня», «Дядя Аксель, спусти меня», «Дядя Аксель, купи мне это», «Дядя Аксель, застрелись» и подобного рода вещи. Из-за них мой старший брат начал лысеть (хотя никогда не признался бы, что пользуется средствами от выпадения волос). Из-за них Эмили – девушка, которая встречалась с моим братом в старших классах и потом вышла за него замуж, – теперь носила удобные легинсы и пряталась за спокойной улыбкой, если один из ее отпрысков разрисовывал ей одежду фломастером или покрывал ее рвотной массой.

Я лениво махнул Оливеру и подошел к Лее. Она сидела за накрытым столом и разглядывала вьюнок на кромке тарелки. Я примостился рядом, дружелюбно толкнул Лею локтем, но она лишь бесстрастно взглянула на меня и ничего не ответила. Раньше улыбка на ее лице осветила бы всю комнату. Прежде чем я успел что-либо сказать, появился отец. Он поставил в центре стола поднос с фаршированной курицей. Я в замешательстве оглядывался по сторонам, но мама протянула мне миску с тушеными овощами. Я благодарно улыбнулся.

Мы ели и болтали о том о сем: о семейной кофейне, о сезоне серфинга, о последней инфекции, про которую где-то вычитала мать. Мы всеми силами избегали той самой темы, но она витала в воздухе. За десертом отец откашлялся, и я понял, что ему надоело притворяться, будто ничего не происходит.

– Оливер, сынок, ты хорошо подумал?

Все перевели взгляд на Оливера. Все, кроме его сестры.

Лея вперилась в чизкейк.

– Решение принято. Время пролетит быстро.

Театральным жестом моя мать поднесла к глазам салфетку, но не смогла скрыть всхлипываний и ушла на кухню. Отец хотел пойти за ней, но я покачал головой и решил сам уладить ситуацию. Я глубоко вздохнул и оперся на столешницу рядом с матерью.

– Мам, не надо так, им сейчас нужна поддержка...

– Не могу, сынок. Это невыносимо. Что еще должно произойти? Какой ужасный, ужасный год...

Я мог ответить идиотской фразой типа «да брось» или «все наладится», но не осмелился: я знал, что это неправда и ничто уже не будет как прежде. В нашей жизни не просто что-то изменилось в тот день, когда мистер и миссис Джонс погибли в автокатастрофе, наша жизнь стала совсем другой. С двумя зияющими дырами, гноящимися ранами, которые никогда не затянутся.

С тех пор как мы переехали в Байрон-Бей, мы стали семьей. Мы. Они. Все вместе. Несмотря на различия. Джонсы просыпались каждое утро, думая только о сегодняшнем дне, а моя мама каждые пять минут переживала из-за будущего. Они были богемой, художниками, привыкли жить на природе, а мы знали только Мельбурн. Нередко на один и тот же вопрос они отвечали утвердительно, а мы – отрицательно; наши мнения расходились, мы спорили допоздна каждый раз, когда вместе ужинали в саду...

Мы были неразлучны.

А теперь все сломалось.

Мама промокнула глаза.

– И как ему пришло в голову оставить на тебя Лею? Разве нет другого выхода? Мы могли бы быстро сделать ремонт в гостиной и разделить ее на две комнаты или купить диван-кровать. Я знаю, что это не очень удобно и что Лея нуждается в личном пространстве, но, ради всего святого, ты же не способен даже за домашними животными ухаживать.

Я с некоторым возмущением поднял бровь.

– Вообще-то у меня есть питомец.

Мама удивленно посмотрела на меня.

– А, ну да, и как же его зовут?

– У него нет имени. Пока.

На самом деле у меня нет потребности владеть живыми существами, так что я слегка покривил душой, назвав питомца своим, но иногда на задний двор моего дома забредала тощая трехцветная кошка с выражением ненависти ко всему миру на морде. Она клячила еду, а я скармливал ей остатки ужина. Кошка появлялась три-четыре раза в неделю или, наоборот, пропадала надолго.

– Это будет катастрофа.

– Мам, мне почти тридцать лет. Черт возьми, я могу о ней позаботиться. Это самый разумный вариант. Вы весь день проводите в кофейне, а когда нет, то сидите с близнецами. И ей не придется год спать в гостиной.

– И что вы будете есть? – не унималась мама.

– Еду, блин.

– Придержи язык, сынок.

Я вышел на улицу, вытянул из бардачка смятую пачку сигарет и отошел на пару кварталов. Сидя на бордюре, я курил и смотрел, как ветер качает ветки деревьев. Мы выросли не в этом районе, и не здесь сплелись наши судьбы, превратив нас в одну семью. Оба дома выставили на продажу. Мои родители переехали в маленький дом с одной спальней в центре Байрон-Бея, рядом с кофейней, которую открыли более двадцати лет назад, когда мы только обосновались здесь. К тому же мы с Джастином съехали еще раньше, соседи погибли, а Оливер и Лея поселились в съемном доме, и моих родителей уже ничто не удерживало в пригороде.

– Я думал, ты бросил курить.

Я поднял голову и посмотрел на Оливера с полуприкрытыми от яркого солнца глазами. Выдохнул дым, Оливер сел рядом.

– Я не курю. Пара сигарет в день – это не курение. Как минимум по сравнению с настоящими курильщиками.

Оливер улыбнулся, вытащил сигарету из пачки и закурил.

– Ты конкретно попал, да?

Внезапно свалившаяся на меня ответственность за девятнадцатилетнюю девушку не в себе подходит под определение «попал». В тот момент я вспомнил, сколько Оливер сделал для меня. Начиная с того, что научил меня кататься на велосипеде, и заканчивая тем, что во время нашей учебы в Брисбене заступился за меня в драке, которую я сам и спровоцировал, и ему расквасили нос. Я вздохнул и затушил бычок об асфальт.

– Все будет хорошо, – сказал я.

– Лея может ездить в школу на велосипеде, а остальное время она обычно проводит в перти в своей комнате. Я не могу ее оттуда вытащить, ты знаешь... Чтобы все было как прежде. И у нее есть несколько правил, но это я тебе потом расскажу. Я буду приезжать каждый месяц и...

– Не переживай, все выглядит не очень сложно.

У меня, в отличие от Оливера, другая проблема. Мне придется жить с кем-то, а я уже отвык от этого. И контролировать. Себя контролировать. Остальное решим по ходу дела. После аварии Оливер забыл про наш разнузданный образ жизни, ухаживал за сестрой и ходил на нелюбимую работу, которая обеспечивала приличный доход и стабильность.

Друг перевел дыхание и посмотрел на меня.

– Ты же позаботишься о ней, правда?

– Господи, конечно! – заверил я.

– Хорошо, потому что Лея... Она единственное, что у меня осталось.

Я кивнул. Мы понимали друг друга с полувзгляда: Оливер успокоился и понял, что я сделаю все ради благополучия Леи, а я понял, что Оливер доверяет мне, как никому на свете.

5

Аксель

Оливер с улыбкой поднял бокал.

– За друзей! – прокричал он.

Мы чокнулись, и я пригубил коктейль. В последнюю субботу перед отъездом Оливера в Сидней мы решили немного развеяться. Точнее, я убедил Оливера. Как всегда, мы заканчивали вечер в Кавванбе, приятном местечке на открытом воздухе, вдалеке от центра и рядом с пляжем. Название на языке аборигенов означало «место встречи» – вполне отражает дух и фирменный стиль Байрон-Бей. Лазурный цвет стойки и многочисленных столиков сочетался с соломенной крышей, пальмами и сиденьями вокруг барной стойки, которые, как качели, свисали с потолка.

– Не могу поверить, что уезжаю.

Я толкнул Оливера локтем, и он горько усмехнулся.

– Это всего год. И ты будешь приезжать каждый месяц...

– А Лея... Черт, Лея...

– Я о ней позабочусь, – эту фразу я повторял почти каждый день с того момента, как открыл Оливеру дверь и мы придумали план. – Мы же всегда так делали, разве нет? Держаться на плаву, только вперед, в этом весь секрет.

Оливер потер лицо и вздохнул.

– Если бы сейчас все было так же просто.

– Так и есть! Эй, расслабься. – Сделав последний глоток, я встал. – Схожу за коктейлем. Тебе то же самое?

Оливер кивнул, и я направился к бару, обмениваясь приветствиями со знакомыми. Городок маленький, и все мы волей-неволей знали друг друга. Я облокотился на барную стойку и улыбнулся, когда Мэдисон скорчила гримасу.

– Ты за добавкой? Напиться хочешь?

– Не знаю. Возможно. Ты воспользуешься моим беспомощным состоянием?

Мэдисон подавила улыбку и взяла бутылку.

– Ты этого хочешь?

– С тобой всегда, ты же знаешь.

Мэдисон протянула мне бокалы, глядя в глаза.

– Тебя подождать или у тебя планы?

– Я буду тут, когда ты закончишь.

Остаток ночи мы с Оливером выпивали и предавались воспоминаниям. Однажды мы так же напились и позвонили его отцу, чтобы он забрал нас домой. Но он вместо этого зарисовал в своей тетрадке, как мы валяемся на пляже, а потом отксерил и повесил на стенах нашего дома и дома Джонсов в качестве напоминания про двух идиотов. У Дугласа Джонса было своеобразное чувство юмора. Или тот раз, когда мы накосячили в Брисбене: я обкурился травкой и с хохотом выбросил в море ключи от съемной квартиры. Оливер искал их в воде в одежде, абсолютно обдолбанный, пока я ржал на берегу.

Тогда мы пообещали друг другу, что всегда будем так жить, как в том месте, где выросли, – простом, спокойном, непринужденном, существующем на серфинге и контркультуре.

Я посмотрел на Оливера и подавил вздох, прежде чем сделать глоток.

– Я пойду, не хочу оставлять ее надолго одну, – сказал он мне.

– Ладно. – Я засмеялся, увидев, как он поднимается шатаясь. Оливер показал мне средний палец и бросил пару купюр на стол.

– Завтра поговорим.

– Ага, – ответил я.

Я остался в баре. Гавин рассказал нам о своей новой девушке, туристке: она приехала пару месяцев назад, а в итоге решила поселиться тут. Джейк три или четыре раза описал свой новый серф. Том только пил и слушал остальных. А я отпустил все мысли. Ближе к утру бар стал пустеть. Когда ушел последний клиент, я обогнул здание и проскользнул внутрь через заднюю дверь.

– Напомни мне, почему я такой терпеливый.

Мэдисон улыбнулась, опустила рольставни и направилась ко мне с соблазнительной улыбкой на губах. Схватившись за петельку на моих джинсах, она подтянула меня к себе. Наши приоткрытые губы слились в поцелуе.

– Потому что я вознаграждаю тебя за страдания с лихвой... – промурлыкала она.

– Освежи мне немного память.

Я снял с нее крошечный топ. Лифчика на ней не было. Мэдисон потерлась об меня, прежде чем расстегнула пуговицу штанов и медленно опустилась передо мной на колени. Когда она взяла мой член в рот, я прикрыл глаза и уперся руками в стену напротив. Я запустил руку в волосы Мэдисон, заставляя двигаться быстрее и глубже. Перед тем как кончить, я отступил, надел презерватив, прислонил Мэдисон к стене и с силой вошел в нее. Меня жутко возбуждало, как она произносит мое имя и стонет. В тот момент я чувствовал только наслаждение, секс, потребность. Только это и ничего больше. Идеально.

Февраль (лето)

6

Лея

Пока машина ехала по грунтовой дороге, я смотрела на свои переплетенные пальцы. Солнце окрашивало небо в оранжевый цвет. Я не хотела видеть это небо, его цвет, ничего, что напоминало бы мне о воспоминаниях и снах, которые я оставила позади.

– Не усложняй жизнь Акселю, он нас очень выручает. Ладно, Лея? И ешь. Следи за собой. Скажи мне, что ты в порядке.

– Я стараюсь, – ответила я.

Он говорил, пока не остановился перед зданием, окруженным пальмами и хаотичными зарослями кустов. Я была всего пару раз в доме Акселя, и сейчас мне показалось, что там все изменилось. Я изменилась. В течение последнего года Аксель иногда заходил к нам в гости. Я закрыла глаза от внезапного осознания: если бы это произошло раньше, стучало у меня в голове, жить с ним под одной крышей... Одна мысль об этом пробудила бы бабочек в моем животе и сжала горло. Но сейчас я не чувствовала ничего. Это после аварии: она оставила во мне след, бескрайнюю и тревожную пустоту, невозможность что-либо построить, потому что нет фундамента, с которого можно начать. Проще говоря, я уже не чувствовала. И не хотела возвращать чувства. Лучше так, в летаргии, чем с болью. Иногда случались внезапные подъемы, как будто что-то прорывалось изнутри, но я подавляла эти порывы. Это было похоже на тесто для пиццы, полное несовершенств и неровностей, которое ждет, когда его прокатают скалкой и сделают идеально ровным.

– Ты готова? – Брат посмотрел на меня.

– Думаю, что да. – Я пожала плечами.

7

Аксель

Я очень хотел вернуться назад во времени и сказать себе из прошлого, что я полный идиот, раз думал, что будет несложно. Дело оказалось чертовски трудным с той минуты, когда Лея переступила порог моего дома и осмотрелась без особого интереса. Да и смотреть было особо не на что: голые стены, деревянный пол, такая же мебель, да еще и вразнобой. Барная стойка отделяла гостиную от кухни. Мать считала, это типично для питейного заведения с острым флером.

Оливер ушел в последний момент, как раз чтобы не опоздать на самолет, а я почувствовал дискомфорт. Лея, кажется, этого не замечала и молча ходила за мной. Я показал ей комнату для гостей.

– Ну вот. Ты можешь переделать ее или...

Я осекся, не успев добавить: «Или что там делают девочки твоего возраста», потому что она не была одной из этих веселых девочек, которые сновали туда-сюда по Байрон-Бею в летних платьицах с серфами под мышкой. Лея удалилась от всего этого, как будто воспоминания возвращали ее в прошлое.

– Тебе что-нибудь нужно?

Она посмотрела на меня огромными голубыми глазами, покачала головой, затем положила чемодан на маленькую кровать и, расстегнув молнию, приготовилась вытаскивать и раскладывать вещи.

– Если что, я на террасе.

Я оставил ее одну и тяжело вздохнул.

Нет, это будет нелегко. Несмотря на внешний хаос, я соблюдал определенный режим. Вставал до рассвета, выпивал чашку кофе и катался на серфе, а если не было волн, купался; затем завтракал и садился за письменный стол, чтобы поработать. Я делал всего понемногу, не особо упорядоченно, если, конечно, сроки не поджимали. Чуть позже наступала очередь второй и последней чашки кофе в день, обычно в это время я разглядывал пейзаж за окном. И хотя я неплохо готовил, делал это редко, скорее из лени. Вечером все повторялось: еще работа, еще серфинг, еще несколько часов в тишине на террасе наедине с собой, еще немного умиротворения. А потом приходило время чая, ночной сигареты и чтения или музыки перед сном.

Таким образом, в первый день, как Лея появилась у меня дома, я решил следовать своему режиму. Я провел весь вечер в работе над одним из последних заказов, стараясь составить изображение из линий, закруглить их, прорисовать и довести до идеального результата.

Когда я отложил ручку и встал из-за стола, я понял, что Лея так и не выходила из комнаты. Дверь оставалась прикрытой. Я постучал и медленно вошел.

Лея слушала музыку, лежа на кровати. Светлые волосы разметались по подушке. Девушка оторвала взгляд от потолка и сняла наушники, приподнимаясь.

– Прости, я не слышала, как ты вошел.

– Что слушаешь?

Казалось, ей было некомфортно и она сомневалась, стоит ли отвечать.

– Beatles.

Повисла напряженная пауза.

Я хотел сказать, что все, кто был знаком с Джонсами, знали, что их любимая музыкальная группа – это Beatles. Я помнил, как вечера напролет мы танцевали под их песни и пели в полный голос. Однажды я спросил Дугласа Джонса, почему он всегда рисует под музыку. Джонс ответил, что получает вдохновение: ничего не рождается само по себе, даже первоначальная идея, а музыка дает шанс воплотить ее. Он пояснил, что ноты указывают ему путь, а голоса исполнителей направляют движение кисти. В то время я повторял все за Дугласом, я восхищался его картинами и умением все время улыбаться и даже решил пойти по его стопам и искал собственное вдохновение, которое пробирало бы до мурашек, но так и не нашел. Возможно, поэтому я выбрал другой путь и стал иллюстратором.

– Не хочешь покататься на волнах? – спросил я.

– Посерфить? – Лея напряженно посмотрела на меня. – Не.

– Ладно, я быстро.

Я мигом пробежал несколько метров, которые отделяли дом от моря, краем глаза заметив оранжевый велосипед у деревянных перил террасы. Оливер выгрузил его из машины и оставил там. Обычная вещь, но она означала перемены, которые я еще не принял.

Я ждал, ждал и ждал идеальную волну, затем выгнул спину, уперся ногами и встал. Я спустился по гребню волны и, поймав импульс, повернул доску, чтобы удалиться от той части, которая вот-вот обрушится и превратится в воду.

Когда я вернулся, дверь в гостевую комнату была закрыта. Я не стал стучать. Принял душ и пошел на кухню, чтобы приготовить что-нибудь на ужин. Продукты я купил накануне. Я редко так делал и, как правило, не закупался надолго, но сейчас решил разнообразить содержимое холодильника. Единственное, что я знал: Лея любит клубничные леденцы, она всегда сосала их ребенком, а когда конфета заканчивалась, могла часами грызть пластиковую палочку. А еще Лее нравился чизкейк, который готовила моя мама, хотя это неудивительно: все знали, что он самый вкусный в мире.

Пока я тоненько нарезал овощи, я понял, что вообще-то не знаю Лею. А может, и никогда не знал. Не до конца. Она родилась, когда нам с Оливером было десять лет и уже никто не ожидал пополнения семьи. День, когда я впервые ее увидел, врезался в память: круглые розовые щечки, маленькие пальчики, которые хватались за все подряд, и такие светлые волосы, что она казалась лысой. Роуз долго объясняла, что теперь нам нужно заботиться о малышке и хорошо себя вести с ней. Лея либо спала, либо плакала, а нам хотелось играть по вечерам на пляже или ловить насекомых.

Мы уехали в Брисбен учиться в университет, когда Лее исполнилось восемь. Когда мы вернулись после практики, ей было почти пятнадцать, и, несмотря на то что мы часто приезжали, меня не покидало ощущение, что она выросла внезапно, как будто накануне легла спать еще девочкой, а проснулась на следующее утро настоящей женщиной. Лея была высокой и худой, почти без изгибов, как палка. В мое отсутствие она тоже начала рисовать. Однажды,

проходя через сад, я остановился перед мольбертом. Аккуратные линии и штрихи, которые, казалось, вибрировали от цвета. Меня охватила дрожь. Дуглас не мог такое нарисовать, там было что-то другое, что-то... что не поддавалось описанию.

Лея появилась из задней двери дома.

– Это ты нарисовала? – Я указал на картину.

– Да. – Она несмело взглянула на меня. – Так себе.

– Она идеальная. Она... другая.

Я наклонил голову, чтобы посмотреть на картину под другим углом, впитывая детали, жизнь, которая пробивалась сквозь холст, смутнение. Лея нарисовала окружающий пейзаж: изогнутые ветки деревьев, овальные листья и мощные стволы, но не просто отразила реальность, а исказила ее. Все элементы как будто перемешали в блендере в ее голове и снова выпустили наружу.

Лея покраснела и встала перед картиной, скрестив на груди руки. Ее ангельское личико нахмурилось из-за моего укоризненного взгляда.

– Прикалываешься.

– Черт, нет, с чего ты решила?

– Просто отец сказал нарисовать это. – Лея показала на деревья. – А я сделала это. Совсем не похоже. Я начала нормально, а потом... потом...

– А потом нарисовала, как ты видишь.

– Ты правда так думаешь?

Я кивнул и улыбнулся ей.

– И делай так всегда.

В течение следующих месяцев каждый раз, когда я навещал родителей или Джонсов, я рассматривал последние работы Леи. Она была... самой собой. Удивительная, оригинальная манера, которой не коснулось ничье влияние, я узнал бы эти работы всегда и везде. Из рисунков Леи струился свет, и я не мог от них оторваться...

8

Лея

Я встала с кровати с тяжелым вздохом, когда Аксель постучал и сказал, что ужин готов. Вегетарианское тако остывало и выпускало пар на кофейном столике – доске для серфинга с четырьмя деревянными ножками. Не считая письменного стола с кучей хлама и старинного сундука, на котором стоял виниловый проигрыватель, это был единственный стол в его доме. Все здесь было пропитано личностью Акселя: мебель, несмотря на разные стили, сочеталась, порядок внутри хаоса, отражение его внутреннего света в маленьких вещах.

Я завидовала ему: Аксель жил так расслабленно и беззаботно, здесь и сейчас, смотрел только вперед, не оглядывался.

Я сидела на краешке дивана и ела в тишине.

– В общем, завтра ты поедешь в школу на велике.

Я кивнула.

– Хочешь, подкину тебя на машине?

Я покачала головой.

– Ну ладно, как хочешь. – Аксель вздохнул. – Чаю?

Я медленно подняла на него взгляд.

– Чай? Сейчас?

– Я всегда его пью на ночь.

– Там же теин, – прошептала я.

– А я даже и не замечаю.

Аксель отнес тарелки на кухню. Я посмотрела ему вслед через плечо. Темно-русые волосы как созревшая пшеница или песок на пляже при заходе солнца. Я резко отвела взгляд, смущенная, пытаюсь мысленно стереть цвета, похоронить их.

Аксель с чашкой чая в одной руке и с пачкой сигарет в другой позвал меня через пару минут.

– Посидишь со мной на террасе? – предложил он.

– Не, я спать. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Лея, отдыхай.

Я залезла под одеяло, хотя не было холодно, и спрятала голову под подушку. Темнота. Только темнота. Никакого гула от проезжающих изредка машин, никаких голосов, только тишина и мысли, которые, казалось, кричали и трепыхались в своих клетках. Тревога стала сдавливать мне грудь, дыхание сбилось, зажмурив глаза, я схватилась за одеяло: пусть все исчезнет. Все.

На следующее утро я встретила Акселя на кухне.

В одних красных плавках, еще мокрых, он готовил тост. Улыбнулся. Я ненавидела его немного за то, что улыбался мне так, этим идеальным изгибом губ, с этим блеском в глазах. Избегая взгляда, я открыла холодильник в поисках молока.

– Хорошо спалось? – спросил он.

– Да, – соврала я. У меня снова были кошмары.

– Тебя точно не надо подвезти?

– Точно. Но спасибо.

Чуть позже я уезжала оттуда, от него, безостановочно крутя педали, пока не приехала в школу и не привязала велосипед к выкрашенной в синий цвет ограде. Маленькое деревянное здание школы окружала терраса. Я опустила взгляд, переступив порог, и ни с кем не разговаривала. Еще некоторое время назад это был один из любимых моментов дня: прийти в школу, встретиться с подругами, поделиться последними сплетнями и отправиться в класс. Но это в прошлом. Я пыталась вести себя как прежде, но между нами возникла стена.

«Лучше бы ее тут не было», – подумала я, когда прошла рядом с Блэр, распустив волосы так, чтобы они закрывали одну сторону моего лица. Мне кажется, они были такими длинными, потому что я пыталась оставаться незамеченной, хотела спрятать то, что каждый мог прочитать в моих глазах. Из всех суперспособностей я предпочла бы невидимость. Так избежала бы жалостливых взглядов, которые со временем стали кричать, что я странная, что недостаточно стараюсь, чтобы снова выплыть на поверхность и дышать...

Все утро я просидела за своей партой, рисуя спирали в уголке учебника по математике. Я медитировала над закруглением линий и мягким движением черной ручки. Я ничего не слышала из объяснений учительницы. Я убирала книги в рюкзак, когда Блэр робко зашла в аудиторию и подошла ко мне. Почти все мои одноклассники уже вышли. Я сдержанно посмотрела на нее, мечтая сбежать.

– Мы можем поговорить минуточку?

– Мне... нужно идти...

– Всего пару минут.

– Ладно.

Блэр набрала воздуха в легкие.

– Я слышала, твой брат уезжает в Сидней. Я хочу, чтобы ты знала: если тебе что-то понадобится, что угодно, то я рядом. На самом деле я никогда не бросала тебя.

Мое сердце колотилось.

Я так хотела, чтобы все было как раньше, но это невозможно. Каждый раз, закрывая глаза, я видела, как кувыркается машина. Еле различимый зеленый след означал, что мы вылетели с шоссе, песня резко оборвалась, замерший крик. А затем... затем они погибли. Мои родители. Я не могла забыть это. Если и переставала думать, то не больше чем на пару часов, как будто бы прошел всего день, а не год. Я не могла прогуливаться рядом с Блэр и улыбаться каждый раз, когда мы сталкивались с группой туристов-серферов, или болтать о планах, потому что единственное, что я хотела делать, – это... ничего. И единственное, о чем я могла думать, – о них. Меня никто не понимал. Как минимум к этому выводу я пришла после нескольких сессий с психологом, к которому водил меня Оливер.

– Как раньше быть не может, Лея.

– И не могло бы, – выдавила я.

– Но может быть по-другому, по-новому. Разве это не то, что ты делала, когда рисовала? Брала что-то существующее и интерпретировала по-своему. – Она нервно сглотнула слюну. – Ты не могла бы сделать то же самое с нашей дружбой? Мы не будем говорить о том, что тебе не хочется обсуждать.

Я кивнула, прежде чем она закончила, оставив нам маленькую надежду. Блэр улыбнулась, и мы вместе вышли из школы. Она помахала мне рукой, когда я села на свой оранжевый велосипед и начала крутить педали в сторону дома.

9

Аксель

Дверь в ее комнату была закрыта.

Она жила у меня уже три недели и каждый день, когда приходила из школы, ела в тишине без протестов все, что я приготовил, а затем закрывалась в четырех стенах. В те редкие моменты, когда я заходил к Лее, она слушала музыку в наушниках или рисовала тонкой ручкой; ничего такого, просто геометрические фигуры, повторяющиеся элементы, бессмысленные наброски.

Наверное, самая длинная фраза, которую Лея произнесла, – про теин в чае в первый вечер. И после этого – ничего. Если бы не еще одна зубная щетка в ванной комнате и периодические походы за продуктами, я бы и не заметил ее присутствия. Лея выходила из комнаты, только чтобы пообедать, поужинать и отправиться на занятия.

Естественно, моя мать навещала нас пару раз и привозила еду в контейнерах. Я несколько раз заезжал в кафе, отчитывался ей, что все в порядке, ел бесплатный торт и общался с Джастином, который должен был сменить моих родителей на посту, когда у них пройдет зависимость от работы.

– Как дела? – спросил он меня однажды.

– Идут. Или нет, блин.

– Ситуация сложная, поэтому прояви терпение. Не валяй дурака.

– Не валять, да?

– Ага, ты же знаешь: всякое дерьмо, которое оказывается у тебя в голове и которое не имеет много смысла.

Я рассмеялся и залпом выпил кофе. Мы с Джастином никогда не дружили, не тусовались вместе, напившись под конец, как другие братья. Мы даже не проводили вместе время. Если бы не кровное родство, мы были бы двумя незнакомцами, которые едва ли перекинулись парой слов друг с другом. Джастин был серьезным и немного надменным, ответственным и благоразумным, наверное.

Когда я был маленьким, мне казалось, что он застрял в нашей жизни в Мельбурне, что его вырвали оттуда с корнем и пересадили в место, которое он не очень понимал. Со мной же наоборот. Этот кусочек побережья словно был создан специально для меня: свобода, возможность всегда ходить босиком, серфинг и море, спокойная жизнь и богемная атмосфера. Все вместе.

Я попрощался с братом и, купив свежих фруктов, пошел прогуляться по улицам Байрон-Бей. На обратном пути позвонил Оливеру. Мы разговаривали накануне, но он опаздывал на совещание и повесил трубку.

– Ну как дела? – спросил Оливер.

– У меня есть пара вопросов.

– Я весь внимание, – ответил он.

– Лея весь день торчит в своей комнате.

– Я же тебе говорил. Ей нужно свое пространство.

– Я могу забрать у нее это пространство?

На другой стороне провода повисла тишина.

– Что ты имеешь в виду, Аксель?

– Ты не пробовал ей сказать, чтобы она перестала закрываться, и точка?

– Нет, это так не работает, психолог сказал...

– Я должен следовать этим указаниям? – не отступал я.

– Да, – попросил меня Оливер. – Это вопрос времени. У нее был плохой период.

Я прикусил язык и не стал противоречить. Затем Оливер рассказал о своей работе, о проекте, которым занимался последние три недели. Возможно, если повезет, его пребывание в Сиднее сократится на несколько месяцев. Я почувствовал облегчение, но не хотел раньше времени признаваться в этом.

В субботу Лея провела все утро в своей комнате, и я уже стал терять терпение, хотя Оливер должен был приехать в понедельник, а я вернуться к нормальной жизни на семь дней. Не то чтобы я ее не понимал. Конечно же, я понимал ее боль, но это не меняло ничего в настоящем. Как сказал психолог, Лея не нормально проходила этапы проживания боли. По идее, она застряла на первой ступени, отрицании, хотя у меня возникли кое-какие сомнения. Возможно, потому я и постучался к ней.

Лея подняла голову и сняла наушники.

– Сегодня отличные волны, бери доску.

Лея смущенно заморгала. Я подумал, что если Лее что-то предлагали, то формулировали в виде вопросов. И она их отвергала. Я же не спрашивал.

– Я не хочу, но спасибо.

– Не стоит меня благодарить. Оторви задницу.

Она встревоженно посмотрела на меня. Я увидел, как ее грудь поднимается и опускается в такт учащенному дыханию, как будто она не ждала такого внезапного нападения после стольких дней спокойствия. Я тоже не планировал, даже пообещал лучшему другу, что ничего подобного не буду делать, но я доверял своему чутью. И оно мне подсказывало, что Лею нужно вытащить из этой комнаты, схватить и как можно дальше увести от этого места. Лея села прямо, напряженно.

– Аксель, я не хочу идти.

– Я жду тебя снаружи.

Я развалился в гамаке, который висел между двух балок террасы. Тут я читал по ночам или слушал музыку с закрытыми глазами. Я подождал. Десять минут. Пятнадцать. Двадцать. Двадцать пять. Лея появилась спустя полчаса со сморщенным от неудовольствия носом. Она собрала волосы в хвостик, на лице полное непонимание.

- Почему ты хочешь, чтобы я пошла?
- А почему ты хочешь остаться?
- Не знаю, – прошептала она.
- Я тоже не знаю. Вперед.

Лея молча прошла за мной то небольшое расстояние, что отделяло нас от пляжа. Белый песок нагрелся под полуденным солнцем. Лея сняла платье и осталась в купальнике. Я не знаю почему, но резко отвел глаза и посмотрел на доску, прежде чем положить ее.

- Она очень короткая, – пожаловалась Лея.
- Такой и должна быть. Больше маневренности.
- Но меньше скорости, – ответила она.

Я улыбнулся ей, даже не из-за ответа, а потому, что впервые за эти бесконечные три недели у нас произошло какое-то подобие разговора. Я направился к воде, и Лея пошла за мной без возражений.

Хотя многие серферы считали наш город Меккой, волны здесь были не очень большие. Но в тот день мы могли наблюдать феномен, известный как «та самая волна Байрон-Бея». В момент прилива совпадали определенные условия и создавали длинную волну, которая началась справа от мыса и заходила в бухту правильными и синхронными завитками.

Я никогда не упускал такую возможность.

Мы отплыли немного на глубину и молча сидели на досках в ожидании подходящего момента... Лея среагировала на мой сигнал, когда я почувствовал зарождение хорошей волны, энергию, нарастающую в спокойной воде.

– Сейчас придет, – прошептал я.

Я поплыл, стараясь выиграть время. Затем встал на доску, прежде чем соскользнуть с волны и обогнуть ее по краю, набирая скорость для маневра. Я знал, что Лея была за мной. Я чувствовал ее за спиной, как она разрезает себе путь в толще воды.

Счастливый, я посмотрел на нее через плечо.

А спустя секунду она исчезла.

10

Лея

Вода меня поглотила, и я закрыла глаза.

Там не было цвета, и я снова почувствовала себя защищенной от проникающих воспоминаний, от жизни, которой у меня уже не было, от вещей, о которых мечтала раньше и которые утратили всякую ценность. Нечестно, что жизнь продолжается так же, словно ничего не изменилось. Я чувствовала себя так далеко от своего прошлого, от себя самой, что порой думала, что тоже умерла в тот день.

Я резко открыла глаза.

Меня затягивало в водоворот. Я тонула. Но боли не было. Ничего не было. Только соленый вкус моря во рту. Только спокойствие.

А затем я почувствовала его. Его руки на своем теле, его силу, его попытки вытащить меня вверх. Солнце обожгло нас, когда мы выплыли на поверхность. Меня чуть не вырвало, я закашлялась. Аксель провел пальцами по моей щеке, его глаза, такие темно-синие, будто бы черные, внимательно разглядывали мое лицо.

– Черт, Лея, милая, господи, с тобой все хорошо?

Я взволнованно посмотрела на него. Ощущая... Ощущая что-то...

Нет, со мной было не все хорошо. Не сейчас, когда я снова его чувствовала.

11

Аксель

Паника. Потеряв ее из виду, я запаниковал. Когда мы вернулись домой, сердце все еще бешено колотилось. Я не мог отделаться от мысли, что Лея тонула в бурном море, такая хрупкая. Я хотел спросить Лею, почему она не пыталась выплыть, но боялся нарушить тишину. Или же боялся ее ответа.

Пока она принимала душ, смотрел на кухне в окно и думал, не позвонить ли Оливеру. Когда Лея вышла и посмотрела на меня смущенно и взволнованно, мне пришлось сдерживаться, чтобы не дать выход эмоциям.

– Как ты?

– Нормально, немного голова закружилась.

– Когда в воду упала?

Она отвела взгляд и кивнула.

– Я буду в моей комнате, – сказала Лея.

– Хорошо. Но сегодня вечером я хочу поговорить с тобой.

Лея открыла было рот, чтобы возразить, но пошла в комнату и прикрыла дверь. Я глубоко вздохнул, пытаюсь восстановить спокойствие, босиком вышел на заднюю террасу, сел на деревянные потрескавшиеся ступеньки и закурил.

Черт возьми, нам нужно было поговорить.

Я затаился, потом вернулся в дом, перевернул на столе разбросанные бумаги и нашел одну чистую. Взял ручки и записал все вопросы, которые задавал сам себе в течение последних трех долгих недель, затем положил бумажку рядом и записывал новые сомнения, пока готовил ужин. Я сделал салат и постучал в ее дверь. Лея не возразила, когда я предложил ей поужинать на террасе.

Звезды сверкали на небе, и пахло морем.

Мы поели в тишине, не глядя друг на друга. Я предложил выпить чаю, но Лея мотнула головой, и я понес тарелки на кухню. Когда я вернулся, Лея опиралась на перила и глядела в темноту.

– Сядь, – попросил я ее.

Она громко вздохнула и повернулась ко мне.

– Это обязательно? Я уеду послезавтра.

– И вернешься через неделю, – ответил я.

– Я не побеспокою тебя, – Лея бросила на меня умоляющий взгляд. Она была похожа на испуганного зверька. – Я не хотела, это ты заставил меня залезть в воду...

– Будем говорить о другом. В этом году нам придется проводить много времени вместе, и мне нужно прояснить несколько моментов.

Я сделал глоток чая и бросил взгляд на листок с кучей вопросов, который держал в руке.

– Для начала: у тебя нет друзей? Ты меня поняла, друзья – это люди, с которыми ты поддерживаешь отношения, как делают девочки твоего возраста.

– Ты прикалываешься?

– Нет. Конечно, нет.

Лея молчала. Я не спешил, поэтому сел в гамак и поставил стакан чая на деревянные перила, чтобы закурить сигарету.

– Конечно, были. Есть. Думаю.

– И почему ты с ними не встречаешься?

– Потому что не хочу, уже не хочу.

– И сколько еще не будешь хотеть? – настаивал я.

– Не знаю! – Она взволнованно задышала.

– Ладно... – Я заметил морщинки, прорезавшие ее лоб, движение горла, резко проглатывающего слюну. Это и есть ответ на три моих вопроса. Я осмотрел бумажку. – Как у тебя дела в школе?

– Думаю, нормально.

– Ты думаешь или ты знаешь?

– Знаю. Почему ты этим интересуешься?

– Я ни разу не видел, чтобы ты делала уроки.

– Это тоже не твое дело.

Я несколько раз стукнул себя пальцем по подбородку. И в конце концов посмотрел на нее. Как на равного. Не того, за кем нужно присматривать. Я увидел страх в ее глазах. Страх, потому что она знала, что я скажу ей.

– Я не хотел тебе напоминать, что твой брат год убивается на работе ради тебя, чтобы ты могла поступить в университет, чтобы ты двигалась дальше...

Я закрыл рот еще до первого всхлипа.

Я встал, чувствуя себя полным дерьмом, и обнял ее. Ее тело содрогалось в моих руках, я закрыл глаза и пытался сдержаться. Пытался сдержаться, несмотря на боль, потому что я не думал просить прощения за свои слова. Я знал, что поступил правильно.

Лея отодвинулась, вытирая щеки.

Я стоял рядом с ней, опираясь на деревянные перила террасы. Дул ночной влажный ветер. Я вернулся к своим заметкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.